В последние два года в научных изданиях были опубликованы новые материалы о жизни Авраама Лейбовича Высоцкого (1884–1949), расширяющие наши познания о судьбе писателя, который с 1908 по 1919 год жил с семьей в Бийске, работал зубным врачом, одновременно занимаясь литературным творчеством. Последние 30 лет жизни А. Л. Высоцкий провел в Палестине, чем объясняется то, что его имя в нашей стране малоизвестно

текст ***Елена ОГНЕВА***

Владимир Хазан

Открывшиеся широкому кругу читателей новые источники побудили нас связаться с автором публикаций — литературоведом, доктором наук, профессором Отделения славянской и русской филологии Еврейского университета в Иерусалиме Владимиром Ильичом Хазаном, и задать ему несколько вопросов.

Владимир Ильич, многолетняя работа, которую вы ведете совместно с доктором наук, профессором Бар-Иланского университета (Рамат-Ган, Израиль) Романом Кацманом, внесла существенные уточнения в биографию писателя Авраама Высоцкого. Что удалось выяснить?

Несколько лет назад профессору Роману Кацману удалось установить местонахождение семейного архива Высоцких, или, точнее, то, что, пользуясь пушкинским слогом, «избежало тленья» и осталось от него. Я много лет занимаюсь архивной работой — поисками писательских имен, стоящими за ними человеческими судьбами и их текстами (то, что в свое время оказалось неопубликованным, а затем, подчиняясь безжалостному времени, надежно забытым), и хорошо по опыту знаю, что если частные архивы не приобретают государственный статус, они постепенно бесследно исчезают. Обнаруженные Романом Кацманом документы из семейного архива представляют бесценный материал, но, увы, они не дают возможности восстановить абсолютно полную и целостную картину жизни и судьбы Авраама Высоцкого и как яркой человеческой личности, и как одаренного писателя, и как незаурядного врача-дантиста. К сожалению, целый ряд важных периодов в движении его «трудов и дней» остается неосвещенным, никак и ничем не представленным, с трудом поддающимся даже частичному восстановлению.

Мои и Романа интересы в отношении более полной реконструкции жизни и творчества Высоцкого совпали: я достаточно давно, еще в докомпьютерные времена, завел специальную папочку, в которую складывал все, что попадалось и имело отношение к Аврааму Лейбовичу. А потом, с появлением компьютерной техники, папочка преобразилась и преобразовалась в файлы, которые пополняются до нынешнего времени. Возможно,

Авраам Лейбович Высоцкий *(слева)*

когда-нибудь из этого материала созреет книга. Собственно, в каком-то смысле можно сказать, что корпус такой книги уже сложился — мне и профессору Кацману удалось собрать все написанное Высоцким и о Высоцком. Кстати, здесь я должен сердечно поблагодарить алтайских коллег, оказавших нам колоссальную помощь в обнаружении ранних рассказов писателя, написанных в пору его жизни в Бийске. В разных точках мира — Барнауле, Москве, Нью-Йорке, архивном собрании, хранящемся в американском университете штата Миннесота, Иерусалиме — отыскались письма Высоцкого разным людям и организациям. В упомянутом мной выше его личном архиве оказалось несколько черновых рукописей неопубликованных произведений, которые вполне могли бы дополнить его литературное наследие и расширить представление о нем как о довольно небезынтересной творческой индивидуальности. Еще одну грань такой книги представляет критическая рецепция литературного труда Высоцкого. Романы, которые он писал, живя в Палестине, а издавал в Риге, не проходили мимо читательского внимания, свидетельством чему является их широкое рецензирование в русской эмигрантской прессе, причем в наиболее крупных печатных органах — газете «Последние новости» и журнале «Современные записки» (такие критические отзывы нами также собраны). Словом, зреет ощущение, что о Высоцком-писателе собрано все или почти все.

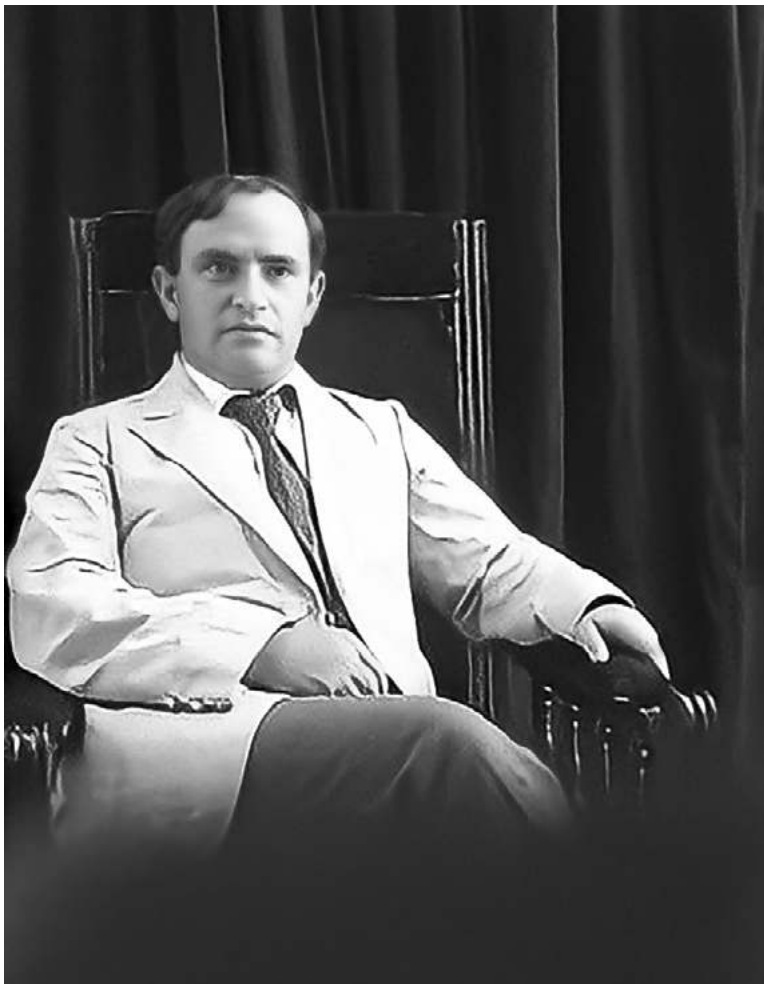
Если быть предельно лаконичным и опираться на сугубо документальные факты его биографии, и только на них, вырисовывается следующая картина.

Авраам (Аврум) Лейбович Высоцкий родился в местечке Жорнище (ныне Винницкая область) 6 января 1884 года (25 декабря 1883 года по старому стилю). Судя по всему, учился он в Жорнищском Народном училище, а затем в Немировской гимназии, которую позже изобразит в своих романах «Тель-Авив» и «Зеленое пламя». Считается, что высшее медицинское образование он получил в Новороссийском университете, хотя никаких документов, подтверждающих это, не обнаружено. Вместе с тем не вызывает сомнений, что в первое десятилетие XX века он жил в Одессе и Харькове, где оказался вовлечен в сионистское движение и был близок к революционным эсеровским кругам. Именно поэтому Высоцкий, по-видимому, спасаясь от политического преследования, был вынужден бежать в Сибирь и не позднее 1910 года поселиться в Бийске. Его писательский дебют состоялся в барнаульской печати. В 1910 годах он активно сотрудничает с газетой «Жизнь Алтая», с ее редактором Георгием Гребенщиковым его сближали дружеские отношения. Об этом более подробно можно прочитать в подготовленной мной и Романом Кацманом публикации писем Высоцкого Гребенщикову в сборнике «Алтайский текст в культуре» (2019. Вып. 8. С. 113-145).

В 1919 году семья Высоцких покидает Алтайский край и переселяется в Палестину, где Авраам Лейбович прожил около 30 лет. Владея с детства ивритом и идишем, он до конца своих дней остался в языковом отношении русским писателем — все его художественные тексты написаны только на русском языке, хотя он и проявлял известный интерес к их переводу на другие языки.

Владимир Ильич, ваш интерес к наследию А.Л. Высоцкого во многом обусловлен возможностью прикоснуться к материалам семейного архива Высоцких, который ныне находятся у его внуков — израильского искусствоведа Александра Мишори и писательницы Ильиль Арбель, проживающей в Нью-Йорке. Каким образом удалось установить связь с родственниками Авраама Лейбовича и что ценного вы обнаружили в этом архиве?

Да, прямые потомки Авраама Высоцкого, по счастью, живы и здоровы. У семейной пары Высоцких было трое детей. Старший сын Александр умер от скарлатины и был похоронен в Бийске. Две дочери — Эсфирь (Фира, в замужестве Мишори) и Юдифь (Ида, в замужестве Розенфельд), родились в Бийске, соответственно, в 1910 и 1912 годах. Ныне их обеих нет в живых. Их дети — искусствовед Александр Мишори (сын Эсфирь Мишори) и писательница Ильиль Арбель (дочь Юдифь Розенфельд) — живут в настоящее время, соответственно, в Израиле и США. В 2014 году Ильиль Арбель написала книгу о жизни семьи Высоцкого в России и долгом путешествии из Бийска в Палестину, в основу которой легли воспоминания ее матери — Иды Розенфельд.



Авраам Лейбович Высоцкий

Своей определенной известностью в литературных кругах Авраам Высоцкий обязан Георгию Дмитриевичу Гребенщикову, который и стал публиковать рассказы начинающего писателя на страницах газеты «Жизнь Алтая». Известны ли обстоятельства их знакомства и сколь значительна была поддержка и протекция Гребенщикова?

Увы, о конкретных обстоятельствах знакомства Гребенщикова и Высоцкого история умалчивает. То, что можно реконструировать из упомянутых мной выше писем Высоцкого к Гребенщикову, это их бесспорное личное знакомство, известную человеческую близость и несомненную помощь, которую второй, как более опытный и известный литератор, оказал первому, находившемуся в самом начале литературного пути (хотя по возрасту они были ровесниками). Творческим дебютом Высоцкого стал рассказ «Синий Алтай», опубликованный с благословения Георгия Дмитриевича в газете «Жизнь Алтая» 9 февраля 1914 года. Позже в этой же газете в 1914-1915 годах были напечатаны рассказы «С дороги (На пароходе)», «На Оби», «Черта», «Воспоминания о лете (Из повести «За рекой»)». Полагаю, что именно Гребенщиков способствовал печати рассказов Высоцкого «Кровавые сны» и «Первое мгновенье» в томской газете «Сибирская жизнь».

Потом, когда оба покинули Россию и один оказался в Палестине, а другой в Америке, Высоцкий отыскал давнего приятеля, списался с ним. В надежде, что его произведения сумеют привлечь внимание Гребенщикова, предлагал их для созданного тем издательства «Алатас». Георгий Дмитриевич, который к тому времени (речь идет о второй половине 1920-1930 годах) достиг поры творческой зрелости, даже при возможной симпатии к их автору, не мог не ощущать тематическую неоднородность вещей, написанных Высоцким, с избранным им самим литературным путем. Романы Высоцкого, будучи автобиографическими по сути, опирались на драматическую судьбу еврея, родившегося в России и как бы изначально принадлежавшего двум культурам — русской и еврейской. Конечно, было бы весьма заманчиво — и для расширения наших представлений о биографии Гребенщикова и Высоцкого, и для углубления крайне любопытной проблематики русско-еврейского культурного диалога вообще — обнаружить ответные письма Георгия Дмитриевича, написанные из Америки в Палестину. Но, как кажется, они безвозвратно утрачены: по крайней мере, ни в домашнем архиве Высоцкого, ни в других израильских архивах их отыскать не удалось.

Из ваших публикаций известно, что Высоцкого поддерживал Максим Горький. Они не были лично знакомы, никогда не встречались, но переписка между ними велась и в период проживания в России, и после отъезда за границу. Алексей Максимович рекомендовал произведения Авраама Лейбовича к публикации в журналах «Летопись» и «Беседа». Как бы вы охарактеризовали отношения этих двух писателей?

Действительно, Высоцкий никогда не встречался с Горьким, их отношения сложились и развивались только в переписке. Впервые Высоцкий обратился к Горькому, живя еще в Бийске. Судя по всему, он отправил на его авторитетный суд рассказ «Синий Алтай». Горький этот рассказ забраковал. Примерно через год после неудачи с «Синим Алтаем» Высоцкий вновь обратился к мэтру, на сей раз с рассказом «Его родина», который был напечатан в седьмой книжке горьковской «Летописи» за 1916 год. Прошли годы. Обосновавшись в Тель-Авиве и зарабатывая на жизнь как дантист, Высоцкий однако не оставил своих писательских притязаний. 9 марта 1924 года он обращается к Горькому с письмом (с него возобновляется переписка между ними после семилетнего перерыва), предлагая для его журнала «Беседа» свой рассказ «Последняя жатва». Рассказ этот Горький принял и опубликовал под названием «В Палестине» (1925. № 5. С. 122-159). Впоследствии он стал первой главой романа Высоцкого «Зеленое пламя» (Рига: Общедоступная библиотека, 1928).

Отношения между Горьким и Высоцким на этом не завершились. После того, как в августе 1929 года по Палестине прокатилась волна кровавого арабского террора, Горький обратился к Высоцкому с просьбой написать об этом статью, предназначавшуюся первоначально для еженедельника «За рубежом», который начал выходить в это время в Москве под его редакцией. Такую статью Высоцкий написал

и Горькому отправил — эта тема живо обсуждалась в их переписке. О том же Высоцкий вспоминает в коротком мемуаре, написанном после получения известия о смерти русского писателя и опубликованном в палестинской газете «Гаарец». Однако заказанная Горьким статья об арабском насилии в советской печати так и не появилась. Она оказалась написана с других позиций, чем того требовал господствующий в СССР идеологический канон. Следы рукописи в семейном архиве также не обнаружены. Письма Высоцкого к Горькому ныне опубликованы мной в соавторстве с Романом Кацманом и сотрудником московского Института мировой литературы Ларисой Жуховицкой (журнал «Литературный факт», 2020. №1 (15)).

Из всего корпуса литературных произведений Авраама Высоцкого, выявленных на сегодняшний день, выделите, пожалуйста, наиболее значительные произведения.

Возрождая сегодня забытое имя Авраама Высоцкого-писателя, из всего им написанного следует выделить три основных романа: «Зеленое пламя» (1928), «Суббота и воскресенье» (1929) и «Тель-Авив» (1933). Акцент следует, пожалуй, сделать на «Субботе и воскресенье» как на самом зрелом из них в художественном отношении. Как я сказал ранее, труднообъяснимый феномен Высоцкого заключается в том, что, будучи убежденным сионистом и живя в Палестине, в которой не существовало в те годы русских газет и журналов, а количество книжных изданий на русском языке можно было перечесть в лучшем случае по пальцам двух рук, он, который вполне был в состоянии писать и печататься на иврите, эту возможность упорно не использовал и оставался преданным русскому языку не только как основному, но как единственному языку своего творчества. Феномен этот достоин удивления и, соответственно, изучения. Полагаю, что корни его не в последнюю очередь следует искать и отслеживать в раннем творчестве писателя, т.е. в той картине мира, которая сложилась в его художественном опыте в пору жизни на Алтае. Язык писателя — основной инструмент его образного мышления, который крайне трудно переделать или видоизменить даже тогда, когда внешние условия настоятельно этого требуют. По всему видно, что Высоцкому этого сделать так и не удалось, хотя, как я предполагаю, он не мог не предпринимать в данном направлении известных усилий. Не случайно, что с 1933 года он как писатель замолкает, и это молчание продолжалось до последних дней его жизни в 1949 году. Если опыт русской литературной классики нередко указывает на то, как писатели рекрутировались из врачей — Чехов, Вересаев, Булгаков, — то в случае с Высоцким случилось нечто обратное: во второй половине своей жизни в Палестине он ушел из литературы и сосредоточился на медицине. К попыткам нарушить вынужденное творческое молчание относится, например, его рассказ «Первый ответ» — об изгнании евреев из Испании, который, как следует думать, является предвестником задуманной, но так и не написанной книги «Сарагоса». Рассказ этот, в переводе на иврит, был издан в 1946-м в палестинском журнале «Гильонот». Однако в высшей степени любопытно, что не сам Высоцкий осуществил перевод, вместо него это сделала переводчица Тамара Должанская; русский же оригинал обнаружить так и не удалось. Молчание писателя легко объясняется невостребованностью русской литературы в Эрец-Исраэль, недоступностью русскоязычных печатных органов, сталинским террором, войной, Холокостом. Но, повторяю, главной причиной того, что Высоцкий не сумел перестроиться и стать чисто еврейским писателем является его укорененность в русском языке и русской культуре. Именно в этой необоримости русского духа в еврейской душе мне видится основная «экзистенция» Высоцкого, которая не может не привлечь читательского интереса и научного внимания.

Высоцкий был неравнодушен и к театру. Из книги Николая Яновского «Русские писатели Сибири XX века» известно, что в Бийске в 1914 году был поставлен первый спектакль по пьесе Высоцкого «Признание». Не знаю, сохранилась ли эта пьеса? А что еще он написал для театра, и были ли осуществлены постановки других его пьес?

Да, интерес Высоцкого к театру и попытки попробовать себя на драматическом поприще заслуживают особого разговора. К сожалению, эта грань его творческих исканий оказалась наименее проясненной, поскольку, исключая лишь текст пьесы «Кровь Маккавеев», приложенный к вышеупомянутой публикации писем Высоцкого к Горькому, никакие другие его драматургические опыты, судя по всему, не сохранились. Об упомянутом вами спектакле по его пьесе «Признание» мы знаем только из книги Николая Яновского. О другой пьесе, «Новая машина», узнаем из письма Высоцкого, написанного из Бийска 21 января 1919 года и адресованного в журнал «Сибирский рассвет»: «Посылаю теперь же и драму «Нов<ая> машина». Надо поскорее решить вопрос о ней. В ней нет чисто сибирск<их> штрихов — умышленно: слишком эта «машина» общая для всей России. Надеюсь, Вы не правоверные областные патриоты-от-литературы?» Не исключено, что Высоцкий мог явиться автором еще каких-то произведений, написанных в драматургическом жанре. Увы, это только предположение, ничего конкретного и определенного мы, к сожалению, не знаем.

Как вы сами отмечаете в публикации, творчество Высоцкого «не вошло в канон как русской литературы и ее русско-еврейской ветви, так и израильской литературы на русском языке». Хотя самому Высоцкому было важно ощущать свою сопричастность, точнее, принадлежность к литературным кругам, что он отмечал в письме к А.М. Горькому: «...Я был бы счастлив найти свое маленькое местечко в русской литературе...» Владимир Ильич, как вы думаете, нашел? И если — да, то какое именно.

Вы совершенно правы, ни имя писателя Высоцкого, ни его литературные детища не вошли в канон ни русской, ни русско-еврейской литературы. Более того, сегодня они известны лишь небольшой группе специалистов. Но мы живем в динамичном мире, в котором нет ничего раз и навсегда застывшего и неподвижного. Хочется верить, что и Высоцкий-ранний, то есть алтайского периода, и Высоцкий, живший и творивший в Палестине, когда-нибудь объединятся в книге, в которой будет собрано все им созданное (или отобрано лучшее из созданного) и широкий читатель откроет для себя еще одно забытое имя писателя-еврея, писавшего на русском языке. Не станем гадать, войдет ли оно после этого в канон или нет, но совершенно очевидно, что необходимо предпринять усилие, чтобы писателя этого издать. А там читатель, современный или будущий, сам рассудит, какое место, маленькое или большое, в истории литературы он заслуживает.